

# Быть ли Соединенным Штатам Евразии?

## Размышления узбекского политолога о региональной интеграции

— исследование —

### Постановка проблемы

Вот уже без малого 30 лет ставшие независимыми бывшие советские республики, в том числе и мой родной Узбекистан, идут каждая по своему собственному пути развития. Прошел вроде бы небольшой по историческим меркам срок, чтобы подвести какие-то итоги. Однако некоторые результаты уже просматриваются, особенно в сравнении с другими странами.

Так, за 30 лет Китай вошел в число ведущих экономических держав мира благодаря политике кардинальных реформ, начатых в 1979 году Дэн Сяопином. Те же Южная Корея, Малайзия и Сингапур, прозванные «азиатскими тиграми», потратили еще меньше времени, чтобы совершить мощный экономический рывок и встать в один ряд с индустриально развитыми государствами Запада.

Вот пример, чего можно добиться за столь короткий исторический срок при правильном выборе модели экономического развития, четкой расстановке приоритетов и умелой мобилизации ресурсов. Правда, справедливости ради нужно отметить, что преимущество названных государств является их географическое расположение: все они имеют прямой выход к морю и международным торговым маршрутам, по которым могут импортировать сырье и экспортировать свою продукцию с высокой добавленной стоимостью.

Если фокусировать внимание на Центральной Азии, то регион географически находится глубоко внутри материка, вдали от морских путей и центров мировой торговли, хотя обладает, в отличие от тех же «азиатских тигров», богатыми природными ресурсами. При этом если Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан непосредственно граничат с государствами, имеющими прямой выход к морю, то Узбекистан, как внутриконтинентальное государство, окружен соседями, которые тоже не имеют прямого выхода к морю (во всем мире в подобном положении находится еще только Лихтенштейн).

Ни в каком случае не умаляю ценность того, что сделано и достигнуто странами региона за прошедший период суверенного развития. Однако отмечу, что результат сравнения говорит сам за себя: ни одному из государств Центральной Азии пока еще не удалось совершить качественный скачок в своем развитии и войти в число развитых стран мира.



Кудратилла Рафикова, политолог

Тем не менее через сто лет после разгрома существовавших тогда на территории региона трех государств — Кокандского и Хивинского ханств, а также Бухарского Эмирата — народы Центральной Азии вновь стоят на перепутье. С одной стороны, нужно укреплять независимость собственных государств, созданных по воле большевиков по национальному принципу, а с другой — необходимо решать задачи интеграционного характера, но уже на совершенно новой основе.

### «Идеология всему голова», или немного о философии истории...

В конце XIX — начале XX веков завоевание Кокандского ханства, установление вассальных отношений с Хивинским ханством и Бухарским Эмиратом завершили колонизацию региона царской Россией. После Ок-

тябрьской революции 1917 года начался советский период, когда по решению большевиков на карте региона появились нынешние республики Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан.

Это удел философов-обществоведов — проводить теоретические изыскания и научные споры на тему о том, почему такая сверхдержава, как Советский Союз, так легко развалилась, а строительство социализма потерпело крах. Хотя лично мне так и не довелось до сих пор прочитать какой-либо серьезный материал, в котором дается глубокий научный анализ причин «крупнейшей геополитической катастрофы XX века» (В. В. Путин).

Оглядываясь назад, видим результат бездумного отношения большевиков к двум самым важным постулатам марксистской теории о социализме, которыми нас учили в советских вузах.

Во-первых, согласно учению основоположников коммунистической идеологии К. Маркса и Ф. Энгельса, глубоко исследовавших в свое время объективные закономерности развития капитализма и его дальнейших перспектив, социализм может победить одновременно во всех или в большинстве капиталистических стран.

Однако, по-своему развив эту теорию, В. Ленин в 1915 году написал знаменитую статью «О лозунге Соединенных Штатов Европы», отметив следующее: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих и даже в одной отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав

у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов» (Ленин, ПСС, т. 26, С. 354).

Правда, уже после победы Октябрьской революции, выступая на V Всероссийском чрезвычайном съезде Советов в 1918 году, В. Ленин уже утверждал обратное, подчеркивая, что «полная победа социалистической революции немислива в одной стране» (Ленин, т. 37, С. 153).

Во-вторых, Ф. Энгельс в свое время отмечал, что, когда победит социалистическая революция в индустриально развитых странах, «...отсталые страны увидят на этом примере, „как это делается“, как... встать на путь такого сокращенного процесса развития» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22, С. 446).

Отталкиваясь от этого тезиса Энгельса, В. Ленин выступил на II Конгрессе Коминтерна в 1920 году с докладом, в котором обосновал идею о том, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Но уже к 1921 году, когда страна столкнулась с голодом и невиданными трудностями послереволюционной и послевоенной разрухи, В. Ленин осознал ошибочность данной идеи. Поэтому он разработал и начал ускоренно внедрять НЭП, что на практике означало постепенный возврат основ капитализма, благодаря чему удалось за короткий срок стабилизировать обстановку и обеспечить страну продовольствием. Правда, после смерти В. Ленина НЭП существовала недолго, а в 1929 году была вовсе свернута Сталиным.

А народам, населявшим 1/6 часть Земли и собранным в единое государство, пришлось пройти через невероятный социальный эксперимент длиной в 74 года, испытывая на себе все его позитивные и негативные последствия. Печальный результат эксперимента известен: не удалось построить социализм в отдельно взятой стране. Более того, в итоге сама эта страна развалилась на части.

Также оказалась неудачной попытка перевода таких стран, как Бухарский Эмират, Хивинское и Кокандское ханства, на социалистический путь развития, минуя стадию капитализма. В конечном итоге пришлось вновь вернуться к исходному рубежу.

Хотя история и не терпит сослагательного наклонения, но определенный интерес для теоретиков представляет дискуссия о том, что было бы, если бы тогда НЭП не отменили и страна постепенно вернулась на капиталистический путь развития. Сегодня многих интересует вопрос: мог бы СССР пройти тот же путь развития, который с 1979 года наблюдается в Китае — развитие капиталистического уклада при сохранении руководящей роли Компартии, благодаря чему бывшая полуголодная, отсталая страна за 30–40 лет превратилась в ведущую экономическую державу мира.

В случае с Китаем можно провести еще одну параллель — правда, на этот раз печального свойства. Так, «культурная революция» (движение хунвейбинов в Китае (1966–1976 годы) отдаленно, но также напоминают массовые репрессии и сталинские репрессии 1937–1940 годов в СССР. c 15

# Зависимая независимость

— конъюнктура —

«Особенности режима там определялись угрозами из Афганистана, со стороны исламского экстремизма как в Афганистане, так и в Узбекистане. Тем не менее сегодня, после того как Каримов умер, режим демонстрирует гораздо более либеральные устремления и отвечает в гораздо большей степени потребностям населения страны, которая является центральной во всем регионе и от которой зависит стабильность всей Центральной Азии», — отмечает в беседе с Review эксперт по Центральной Азии Аркадий Дубнов.

В Казахстане усиление президентской власти изначально сочеталось со стремлением к преобразованиям. «Там ситуация во многом определялась личностью лидера — Назарбаева. На момент распада СССР он оказался наиболее подготовлен к проведению постсоветских экономических реформ. Благодаря наличию природных ресурсов страна сделала резкий рывок, давший возможность населению получить часть ресурсной ренты», — поясняет господин Дубнов.

На развитии Таджикистана сказались гражданская война. Она разрушила экономику страны, превратив ее в одну из беднейших стран мира. Во время войны на первые роли выдвинулся Эмомали Рахмон (тогда еще Рахмонов), который в 1994 году стал третьим и стех пор бессменным президентом республики, установив авторитарный режим личной власти.

«Ситуация в Таджикистане все постсоветские годы определялась тем режимом, который вышел победителем в войне. Рахмон узурпировал власть, а его поддержка во многом объяснялась тем, что он сумел показать, что контролирует ситуацию, которая угрожала нестабильностью всей Центральной Азии», — считает Аркадий Дубнов.

На фоне четырех других стран, где опорой политической системы

является режим сильной президентской власти, особняком стоит Киргизия. Страна слывет самой демократичной: Садыр Жапаров — пятый постсоветский руководитель республики. В то же время свержение президента здесь стало традицией.

«Как каждая постсоветская страна, мы прошли путь непростой, временами турбулентный, что привлекало к нам внимание всего мира. Путь наш был сообразен характеру народа, историческим традициям. Мы теперь только понимаем, что все это играет в политической традиции немалую роль. Мы реагируем на несправедливость и нечестное правление в Кыргызстане по иному, чем в других странах», — говорит в беседе с Review Пола Отунбаева, исполняющая обязанности главы республики после свержения режима Бакиева в 2010–2011 годах.

Сейчас Садыр Жапаров затеял в стране реформы, призванные усилить президентскую власть. И теперь в Киргизии гадают, как долго осталось ждать очередной революции.

Перемены во внутренней политике, впрочем, заметны не только в Киргизии. Но если здесь толчком для них является бунтующая улица, то в Казахстане этот процесс был запущен сверху. В отличие от Узбекистана и Туркмении, где ротация была связана со смертью лидера, Нурсултан Назарбаев взял транзит в свои руки. В марте 2019 года он сложил с себя полномочия президента, назначив преемником спикера Сената Касым-Жомарта Токаева. Сам господин Назарбаев переместился на другую позицию — по жизненного руководителя государства. Должность официально называется первый президент Казахстана, а занимать ее может единственный человек — Нурсултан Назарбаев.

Единственной не затронутой пока сменой лидера страной Центральной Азии остается Таджикистан. Эмомали Рахмон в 2020 году переизбрался на новый семилетний срок. При этом стремительную карьеру в политике делает его старший сын —

33-летний Рустам Эмомали. Сейчас он занимает пост председателя верхней палаты таджикского парламента и параллельно мэра Душанбе.

### Где вместе, там и врозь

Интеграционные процессы на всем постсоветском пространстве начались почти синхронно с распадом СССР. Так, принятие декларации о прекращении существования советского государства предшествовало подписанию 8 декабря 1991 года руководителями России, Белоруссии и Украины «Соглашения о создании Содружества независимых государств», известного как Беловежское соглашение.

В мае 1992 года в Ташкенте был подписан Договор о коллективной безопасности, который запустил процесс создания на постсоветском пространстве военно-политического блока — Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). По словам Аркадия Дубнова, во многом к нему подтолкнула гражданская война в Таджикистане: реальную опасность дестабилизации во всем регионе тогда почувствовали все.

Инициатором договора, подчеркивает господин Дубнов, стал узбекский лидер Ислам Каримов. Подписали тогда документ Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Туркменистан, избравший внешнеполитической линией нейтралитет, которого придерживается до сих пор, к этому соглашению присоединиться не стал.

Впрочем, отношение Ташкента к интеграции в сфере безопасности при Исламе Каримове менялось несколько раз. В 1999 году Узбекистан отказался продлевать на следующие пять лет действие Договора о коллективной безопасности, а в 2001 году согласился предоставить аэродром Карши-Ханабад для нужд американских военных, начавших операцию в Афганистане. После анджанских событий, вызвавших критику со стороны Вашингтона, отношения с США обострились, и Ислам Каримов выдворил американцев с авиабазы, а в 2006 году восстановил суверенитет своей страны в ОДКБ. Впрочем, в 2012 году Ташкент снова вышел из курируемого Россией военного блока и пока так туда и не вернулся.

Присутствие центральноазиатских стран в одном альянсе не стало гарантией от двусторонних проблем. Например, на границе Киргизии и Таджикистана, которая до сих пор полностью не делимитирована, то и дело случаются вооруженные столкновения между пограничниками и местными жителями. В перестрелках бьются и убиваются. Ожесточенные споры между Ташкентом и Душанбе из-за водных ресурсов — отдельная сложная тема. Правда, после того, как президентом Узбекистана стал Шавкат Мирзиёев, накал страстей несколько спал.

В ОДКБ есть и другие сложности. В 2019 году The Washington Post написала о китайском военном объекте, расположенном высоко в горах на таджикской территории близ Ваханского коридора — на стыке границ Китая, Афганистана и Таджикистана. Сообщалось, что там базируются китайские пограничники.

При этом их появление там Душанбе ни с Москвой, ни с другими союзниками по ОДКБ не обсуждал и не согласовывал. В какой-то момент Россия, имеющая на таджикской территории официальную военную базу, оказалась перед свершившимся фактом того, что она здесь больше не одна. Официально Москва не комментировала появление китайского военного объекта, по всей видимости просто с этим смирившись. В неофициальных беседах российские дипломаты говорят, что китайское присутствие в Центральной Азии, в отличие от присутствия США и ЕС, российской сторона считает фактором стабильности.

Помимо ОДКБ отдельные страны региона входят в пестуемый Москвой Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Из центральноазиатских стран в него уже входят Казахстан и Киргизия. Россия хотела бы видеть в этом альянсе еще и Узбекистан с Таджикистаном (о стоящем особняком Туркменистане речь не идет). Ташкент уже получил в ЕАЭС статус наблюдателя, в котором, как рассчитывают в Кремле, должно задержаться и перейдет к полноценному членству. Впрочем, до привлекательности и глубины интеграции Евросоюза этому объединению еще далеко.

При этом в сфере экономического влияния на региональную экономику Китай всем даст фору (см. материала на стр. 8). Китайские компании давно и плотно работают в богатых ресурсами республиках региона, а сами страны активно кредитуются в Пекине. Из \$3 млрд внешне-го долга \$1,2 млрд Таджикистан должен Китаю, а Киргизия из \$4,8 млрд — \$1,8 млрд. Задолженности перед Китаем есть и у других стран региона. Но параллельно Пекин направляет сюда инвестиции: в добывающие отрасли, сельское хозяйство и промышленность.

«Зависимость в разной степени всех стран от Китая и его экономического и политического навета не может оспариваться», — констатирует Аркадий Дубнов. — Она кажется естественной, поскольку историческая зависимость региона от России не может быть сегодня противостоимостью влияния Китая в силу растущей разницы между Китаем и Россией».

Руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги Александр Габуев также уверен, что влияние Китая будет расти. И не только экономическое. «Чем слабее страна и чем больше она экономически зависима от Китая, тем больше точек входа туда», — говорит он Review. Китай, убежден эксперт, будет использовать все способы, чтобы проникнуть в регион. Одна из моделей — культивирование связей с правящими элитами. В пример господин Габуев приводит Таджикистан, где члены семьи Эмомали Рахмона не безвозмездно помогали отдельным китай-

ским компаниям. «Мы увидим планомерную и сложную работу по окулированию всех элит в Центральной Азии», — предсказывает Александр Габуев. Кто здесь работает против китайцев, отмечает он, — это то, что китайская экспансия не оставляет незамеченной и вызывает «огромный страх у населения, замешанный на том, что Китай творит в Синьцзяне в отношении мусульман и тюрков».

Аркадий Дубнов тоже полагает, что синафобия в странах Центральной Азии не дает возможности превратить регион в восточную Китай: «Да, каждая из стран вынуждена решать свои проблемы экономического закабаления. Это выглядит драматично в таких странах, как Таджикистан, Киргизия и даже Туркмения. На это надо смотреть в перспективе истории, а она не дает основания считать, что Китай полностью поглотит регион».

Лидеры Центральной Азии понимают, что вести с большими странами игру один на один — не так важно. Россия этот игрок или Китай, — очень сложно. Отдельные лидеры здесь не раз поднимали вопрос региональной интеграции. Нурсултан Назарбаев, например, предлагал создать Центрально-Азиатский союз. Но попытка провалилась. Александр Габуев думает, что процесс формулирования странами Центральной Азии собственных интересов не завершен. По его словам, у Казахстана и Узбекистана точно есть потенциал для того, чтобы сохранять независимость, суверенитет и субъектность во внешней политике: «Это можно делать теми способами, которые у них есть. Для Казахстана это многоветочность с приоритизацией союза с Россией. Узбекистан продолжает выходить из каримовских времен и учиться жить в более открытом, другом мире. Мир, где Россия более агрессивная, но более слабая. Китай все более активный. Думаю, там идет внутренняя дискуссия и о том, как сформулировать свои национальные интересы».

**Владимир Соловьев**